



НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го іюля.

№ 15-й.

1866 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

1.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, 15 сего апрѣля, за № 2099, коимъ изъясняетъ, что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, онъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ объ учрежденіи повсемѣстнаго крестнаго хода и молебствія, ежегодно 4-го апрѣля, въ воспоминаніе избавленія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожавшей опасности, — и что на сіе въ 14-й день сего апрѣля воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. По справкѣ оказалось: Святѣйшій Синодъ, желая навсегда сохранить молитвенное воспоминаніе о днѣ великой Божіей милости, явленной къ Церкви и Державѣ Россійской спасеніемъ драгоцѣнной

жизни благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА отъ преступнаго покушенія злодѣя, опредѣленіемъ 11-го сего апрѣля положилъ: учредить ежегодно въ 4 день апрѣля повсемѣстное совершеніе крестнаго хода, въ губернскихъ городахъ изъ соборныхъ или главныхъ церквей на городской площади, для принесенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ за сохраненіе драгоценныхъ дней Августѣйшаго Монарха, съ тѣмъ, чтобы: 1) по селеніямъ таковое молебствіе отправляемо было въ самыхъ церквахъ; и 2) въ случаѣ, если 4 день апрѣля встрѣтится на Страстной седмицѣ или въ день Св. Пасхи, — таковое молебствіе и крестный ходъ совершаемы были въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы; на каковыя предположенія и предоставилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе. Приказали: О вышензложенномъ Высочайшемъ утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, къ должному исполненію, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами и, чрезъ посредство Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, сообщить Министру Внутреннихъ Дѣлъ для соотвѣтствующихъ по вѣдомству Гражданскому распоряженій; а для припечатанія о семъ Высочайшемъ утвержденномъ опредѣленіи Синода въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ. Апрѣля 20 дня 1866 года.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11-го февраля сего 1866 года за № 1360, объ отъѣздѣ доставленія въ Хозяйственное Управленіе счета о суммѣ, опредѣленной монастырямъ и церквамъ вмѣсто от-

вода угодій. Въ предложеніи этомъ изъяснено: Въ формахъ отчетности по вѣдомству Святѣйшаго Синода, изданныхъ при Высочайшемъ утвержденномъ вѣдѣніи Государственнаго Совѣта 29 декабря 1833 года, постановлено было, между прочимъ, представлять Государственному Контролю, при Генеральномъ отчетѣ, особый счетъ суммъ слѣдующихъ вѣдомству Святѣйшаго Синода отъ Государственнаго Казначейства. По счету сему требовалось объяснять о суммѣ, опредѣленной по росписи монастырямъ и церквамъ вмѣсто неполученныхъ ими угодій: сколько таковыхъ денегъ дѣйствительно было получено, изъ какихъ Уѣздныхъ Казначействъ и когда именно, въ продолженіи года. О представленіи сихъ счетовъ мѣстами Епархіальными Управленіями въ центральное контрольное учрежденіе, Святѣйшимъ Синодомъ предписано было указомъ отъ 30 іюля 1835 года, въ исполненіе чего счета сии доставляются въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Но въ настоящее время, со введеніемъ новой системы ревизіи и отчетности въ суммахъ, отпускаемыхъ изъ Государственнаго Казначейства, въ помнутыхъ счетахъ надобности не представляется. Приказали: Предписать по Духовному вѣдомству указомъ, чтобы сдѣлано было надлежащее распоряженіе о прекращеніи доставки въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ упомянутыхъ счетовъ. Марта 31 дня 1866 года.

Указъ Св. Синода на имя Ево Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Нектарія Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, объ открытіи еucharіаствъ въ Нижегородской и Костромской епархіяхъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ Высочайшее утвержденный докладъ Святѣйшаго Св-

года, въ коемъ представлены были на **В ы с о ч а й ш е** **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** благоусмотрѣнію слѣдующія предположенія Синода: I. Въ Нижегородской и Костромской Епархіяхъ, въ помощь Епархіальнымъ Архіереямъ, учредить Викаріатства, наименовавъ **викарныхъ Преосвященныхъ: Нижегородскаго Балахнинскимъ, а Костромскаго Кинешемскимъ.** II. Мѣстопробыванія Викарнымъ Архіереямъ имѣть нижегородскому въ нижегородскомъ Печерскомъ первоклассномъ монастырѣ, который предоставить въ управленіе Викарію, а Костромскому въ Ипатіевскомъ каѳедральномъ монастырѣ, съ представленіемъ Викарію въ управленіе Песоченскаго Игрянскаго монастыря. III. На усиленіе содержанія Викарія нижегородскаго сверхъ настоятельскихъ жалованья и части отъ братскихъ доходовъ Печерскаго монастыря, обратитъ пять сотъ руб. въ годъ, производившіеся Нижегородскому Епархіальному Преосвященному, по **В ы с о ч а й ш е** утвержденному въ 16 день августа 1861 года опредѣленію Синода изъ процентовъ съ капитала, опредѣленнаго на улучшеніе содержанія Преосвященныхъ; а на усиленіе средствъ содержанія Викарія Костромскаго предоставить ему сверхъ настоятельскихъ жалованья и части отъ братскихъ доходовъ Песоченскаго монастыря, получать въ годъ по четыреста рублей изъ неокладныхъ суммъ Кривозерской пустыни. IV. Ризницею и прочими принадлежностями Архіерейскаго служенія предоставить Преосвященному Нижегородскому снабдить Нижегородскаго Викарія отъ Нижегородскихъ Архіерейскаго дома и Каѳедральнаго собора; на устройство же ризницы и прочихъ принадлежностей служенія для Викарія Костромскаго употребить до двухъ тысячъ рублей изъ суммъ Кривозерской пустыни, изъ которыхъ также отчислить

тысячу рублей на приспособленіе и устройство въ Ипатіевскомъ монастырѣ помѣщенія для Викарнаго преосвященнаго V.» Преосвященному Нижегородскому, **взятъ** находившагося въ его управленіи Нижегородскаго Печерскаго монастыря, предоставить въ управленіе заштатный Оранскій Богородицкій монастырь, возведя эту обитель, по уваженію настоятельства въ ней епархіальнаго Архіерея, въ 1-й классъ, но безъ назначенія изъ казны присвоенныхъ сему классу штатныхъ окладовъ. На подлинномъ докладѣ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО**, **В ы с о ч а й ш е** соизволилъ въ 11 день сего мая написать собственноручно: «Быть по сему». И по справкѣ приказали: объ учрежденіи Викаріатствъ въ Нижегородской и Костромской епархіяхъ, на изложенныхъ въ I, II, III и IV п. всеподданнѣйшаго доклада Святѣйшаго Синода основаніяхъ дать знать преосвященному костромскому и Вашему Преосвященству указами, объявивъ **Взятъ и о** военослѣдовавшемъ **В ы с о ч а й ш е** мъ соизволеніи на изложенное въ I. п. того же доклада предположеніе Синода, касательно предоставленія въ управленіе Вашего Преосвященства Оранскаго Богородицкаго монастыря и о возведеніи этой обители въ 1-й классъ. Мая 25 дня 1866 г.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 26-й день марта сего 1866 года, по всеподданнѣйшему, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, докладу Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Всеимостивѣйше соизволилъ утвердить списокъ духовныхъ лицъ, удостоиваемыхъ награжденія зна-

ками отличія, въ которомъ списокъ за епархіальную службу Всемилостивѣйше удостоены по нижегородской епархіи, I. сопричисленія къ орденамъ: а) *Св. Анны 2 степени въ Императорскою короною* архимандритъ *Иувеналій* и протоіерей *Владиміръ Крыловъ*, б) *Св. Анны 2 степени* протоіерей: *Константинъ Миловидовъ* и *Іоаннъ Орнатскій* и в) *Св. Анны 3 степени*: протоіерей *Николай Успенскій* и священникъ *Іоаннъ Страгородскій* II. награжденія а) *наперстными крестами* отъ св. Свѣтѣца выданными, протоіерей: *Іоаннъ Виноградовъ*, *Іоаннъ Разумовъ*, іеромонахъ *Арсеній*, монахиня *Дородея*, священники: *Алексѣй Садовскій*, *Александръ Крыловъ*, *Петръ Парійскій*, *Іовъ Авситидійскій*, *Іоаннъ Утѣхинъ*, *Левъ Кириловскій*, *Дмитрій Страховъ*, *Андрей Минервинъ*, *Іоаннъ Софійскій*, б) *камиллавками*: протоіерей: *Андрей Остроумовъ*, *Александръ Пальмовъ*, священники: *Андрей Цвѣтаевъ*, *Рафаилъ Жудравцевъ*, *Іоаннъ Летичскій*, *Сергѣй Троицкій*, *Павель Оувейскій*, *Михаилъ Модератовъ*, *Іоаннъ Парійскій*, *Василій Никольскій*, *Михаилъ Костровъ*, *Григорій Вербитскій*, *Симеонъ Румянцевъ*, *Федоръ Лебединскій*, *Василій Пальмовъ*, *Александръ Борисовскій*, *Федоръ Добротворскій* и *Петръ Амбелоновъ*.

СОДЕРЖАНІЕ. Правительственныя постановленія. — Извѣстія.

Дозволено цензурою 15-го іюня 1866 года.

ВЪ КНИЖНИИ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го іюля.

№ 15-й.

1866 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ЧЕРКН

ВЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ.

(Продолженіе).

XII.

Чѣмъ человѣчнѣе представленіе о богахъ въ естественной религіи, чѣмъ разумнѣе и сознательнѣе эти боги, чѣмъ болѣе они цѣнятъ свободу и нравственное достоинство человѣка,—тѣмъ симпатичнѣе къ нимъ отношеніе человѣка, богослуженіе основывается на идеѣ любви, искренняго благоговѣнія, чуждаго всякаго рабскаго, восточнаго страха предъ богами; самый обрядъ и способы богоугожденія сознательнѣе, разумно—опредѣленнѣе. Человѣкъ знаетъ, почему онъ исполняетъ обрядъ и почему онъ угоденъ богамъ.

Не то видимъ въ первобытныхъ натуральныхъ религіяхъ, гдѣ божествомъ ставится слѣпая, дикая сила приро-

ды. Она поражаетъ своего поклонника однимъ величіемъ, громаднымъ могуществомъ; она дѣйствуетъ безъ плана и цѣли съ безмысленнымъ деспотизмомъ, награждаетъ неизвѣстно за что, страшно караетъ безъ причины для одной только деспотической острастки, для одного только обнаруженія своей мощи. Безмысленно и отношеніе къ ней человѣка; кромѣ удивленія и рабскаго страха онъ не чувствуетъ къ ней ничего. Самое изображеніе этаго рода божествъ въ страшныхъ формахъ было произведеніемъ этаго священнаго ужаса передъ ними. Совершенная таинственность обрядовъ и богоугодныхъ дѣйствій, доходящая до полного отсутствія въ нихъ всякой разумной мысли показываетъ, что поклонникъ не понимаетъ, чѣмъ угодить своему божеству, что ему пріятно и почему пріятно и пр. Чѣмъ ниже религія по своему разумному развитію, тѣмъ въ ней больше таинственности. Она вся исполнена заклятіями, непонятными заговорами и примѣтами, въ которыхъ замѣчается полный разрывъ между причиною и слѣдствіемъ, между религіознымъ дѣйствіемъ и его результатами, гдѣ вся логика построивается на манеръ извѣстнаго силлогизма: въ углу палка стоитъ, слѣдовательно дождь идетъ. Человѣкъ думаетъ преклонить къ себѣ благоволеніе своего непонятнаго божества какимъ нибудь непонятнымъ словомъ, страннымъ тѣлодвиженіемъ и т. п. Здѣсь-то, въ этой таинственности отношеній между человѣкомъ и божествомъ, и лежитъ основа кудесничества.

Обращаясь къ славяно-русскому язычеству, мы не можемъ не замѣтить здѣсь множества элементовъ, изъ которыхъ кудесничество могло развиваться до громадныхъ размѣровъ. Эпическое чудесное проходитъ черезъ весь циклъ нашихъ народныхъ сказаній. Славянинъ былъ дитя

природы. Лишенный всякихъ проблесковъ естествознанія, онъ съ благоговѣніемъ преклонялся предъ физическимъ явленіемъ, которое совершалось предъ его глазами и отъ котораго зависѣла его жизнь. Онъ чувствовалъ всю зависимость свою отъ окружающей природы, ея силъ и стихій, съ которыми онъ, какъ животное, не могъ бороться, которыхъ дѣйствія безъ знанія и опытности онъ не могъ ни ствратить, ни употребить въ свою пользу. Что бы онъ ни дѣлалъ, куда бы онъ ни пошелъ, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру, — вездѣ надъ его духомъ тяготѣло владычество физическихъ божествъ, созданныхъ его фантазіей, которыми были населены всѣ области и всѣ уголки природы и жизни. Особенно предъ величественными, исключительными явленіями природы, предъ грознымъ грѣхотомъ грома, предъ огненнымъ разметомъ молній по небу, предъ разрушительнымъ разливомъ рѣки, предъ бурей, бушевавшей по дѣвственнымъ, первобытнымъ лѣсамъ, онъ долженъ былъ съ рабскимъ ничтожествомъ преклоняться, съ ужасомъ умолкнуть. Тяжко было для человѣка это состояніе!

Какъ ни грубо было славяно-русское язычество, но и въ немъ духъ человѣка не могъ не чувствовать этой тяги рабскаго подчиненія вышней природѣ. Вѣрно не разъ съ жалобнымъ воплемъ обращался язычникъ, подобно Ярославѣ въ словѣ о полку Игоревѣ, къ вѣтру и бурѣ: «о вѣтре вѣтрило! чему господинѣ насильно вѣши?... Не разъ приходилось ему вѣрно обращаться съ этимъ горькимъ: «Чему господине», и къ солнцу, которое палило его ниву, и къ рѣкѣ, которая топила его челя, или ломала его рыболовныя снасти, и къ морозу, который знобилъ его поѣвѣ, и ко всякой стихіи, въ которой онъ видѣлъ въ простотѣ своего сердца господина,

божество. Каждый шагъ его былъ робокъ и нерѣшителенъ, потому что на каждомъ шагу можно было столкнуться съ враждебною высшею силою, предотвратить которую было нельзя. Рабское чувство страха не давало мѣста развитію личности и свободы. Человѣкъ упдалъ духомъ тѣмъ глубже, чѣмъ яснѣе чувствовалъ свое безсиліе и ничтожество предъ природой.

Такое тяжелое чувство подавленной личности превосходно выражено въ одномъ эпизодѣ саги Олава Тригвесона. «Прошу тебя, говорилъ князь Владиміръ—еще язычникъ—Олаву, прошу тебя почитать боговъ и укрощать себя предъ ними покорностію; опасаясь, какъ бы они не поразили тебя ужасами своего гнѣва и жестокости.»—Не боюсь твоихъ боговъ, отвѣчалъ Олавъ. Я, кажется, могу понять ихъ изъ того, что твое конунгское величество и твое лицо, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣздишь въ капище и не приносишь божествамъ жертвы; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою.» И такъ, мрачно становилось лицо язычника, падалъ онъ духомъ, дѣлался тревоженъ и недоволенъ, побывавъ предъ лицомъ своихъ боговъ и принеся имъ умиловительныя, но невѣрныя жертвы.

Между тѣмъ отъ лица этихъ боговъ нельзя было убѣжать; боги и духи были вездѣ; самый внутренній міръ души человѣческой трактовался, какъ рядъ напускныхъ, наносныхъ отвиѣ явленій, не самостоятельна была ни мысль, ни чувство зашевелившееся въ сердцѣ. Что касается до разумности этихъ внѣшнихъ силъ, двигателей жизни, то въ нашемъ язычествѣ едва ли можно заводить объ ней рѣчь. Мы видѣли уже, что

все эти Свароги, Дажбоги, Перуны были силы слѣпыя, ихъ дѣйствія безъ цѣли и сознанія. Человѣкъ долженъ былъ безусловно подчиняться ихъ слѣпому деспотизму, быть машиною, работою внѣшней силы. Какъ ни силился онъ съ напряженнымъ и лихорадочнымъ вниманіемъ узнать волю боговъ, составляя свои прикѣты и гаданья, онъ оставался въ томъ же тяжеломъ, безвыходномъ мракѣ, гдѣ не видно было, что лежитъ впереди, куда идти и что дѣлать, гдѣ все было неожиданно и вмѣстѣ неотвратимо, какъ судьба, гдѣ онъ повсюду былъ окруженъ чудесами тайныхъ силъ, добрыхъ или злыхъ, природою «исполненной дивности», какъ выражаетъ одинъ народный заговоръ. То вдругъ, неожиданно явится толпа духовъ и окажетъ чудесное благодѣяніе человѣку, то вдругъ посыплются тяжкіе удары, неизвѣстно за что, разгнѣваннаго божества, и вся жизнь нечто иное, какъ игрушка, надъ которою шалать капризна тайная сила.

Можно ли при всемъ этомъ ожидать въ нашемъ язычествѣ разумныхъ, сознательно—нравственныхъ отношеній человѣка къ божествамъ, которыя оно исповѣдовало? Мысль о чудесномъ, таинственномъ отношеніи высшихъ существъ къ міру должна была необходимо вести къ такому же таинственному отношенію человѣка къ высшимъ существамъ, вести къ религіозному чудесничеству. Здѣсь не достаточно было простой молитвы; молитва естественно обращалась въ заговоръ, который долженъ былъ уже непременно преклонить волю божества къ желаемому отъ него дѣйствию, которому божество уже не можетъ противиться, хотя бы оно и желало этаго. Эта молитва-заговоръ, получивъ магическую силу, сильна была не благоговѣющимъ настроеніемъ произносившаго ее, а самимъ произнесеніемъ, самимъ по себѣ, помимо самаго молящаго-

ся. Изъ нея нельзя ни слова выкинуть, ни слова въ ней перемѣнить; самыя слова, даже ихъ сочетаніе и перестановка составляютъ силу заговора. При такомъ отрѣшеніи молитвы отъ нравственнаго чувства благоговѣнія нечего было заботиться о смыслѣ ея. Чѣмъ непонятнѣе былъ этотъ смыслъ, чѣмъ меньше его было, тѣмъ молитва казалась кабалистичнѣе и больше дѣйствовала на воображеніе вѣрующаго. Все вниманіе обращалось исключительно на то, чтобы она была прочитана правильно, сполна и съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ условій—времени, мѣста, счета, обрядовыхъ дѣйствій. Всѣ обрядовыя дѣйствія получали магическій, чудеснической смыслъ. Къ божеству нужно было относиться съ извѣстными церемоніями, приготовленіями, предохранительными средствами, тѣлодвиженіями, тономъ голоса. Все это называлось «бить кудеса.» Это было что-то въ родѣ приложенія къ религіи извѣстнаго схоластическаго положенія *forma dat rei esse*. Форма религіи, развиваясь до крайности, сдавила внутреннее содержаніе ея и совершенно выдавила его, такъ что оставалась одна со всею своею бездушностію. Кудеса, магическій обрядъ, сдѣлавшись единственнымъ средствомъ богоугожденія, даже исключали нравственность, по крайней мѣрѣ дѣлали ее излишнею, отвлекали отъ нея сознаніе человѣка. Можно было жить совершенно безнравственно, наблюдая обряды; потому что для божества и важны были только эти обряды.

Таковы были основныя черты языческой религіозности нашего народа. Для церковнаго дѣятеля изученіе ихъ составляетъ первую обязанность: потому что не видны ли еще остатки этаго грубаго культа почти на каждомъ шагѣ современной религіозности массы и не долженъ ли онъ всѣми силами бороться противъ нихъ, какъ элементовъ

чуждыхъ, незаконно привнесенныхъ въ христіанство и противныхъ его сущности?

Такъ на встрѣчу неотвратимой силы божества или силъ природы человѣкъ развивалъ съ своей стороны неотвратимую же силу чудесничества. И все богослуженіе древняго язычества было уже запечатлѣно этимъ характеромъ чудеса. Хороводъ, пѣсня, слова заговора, умываніе рукою, обращеніе на востокъ, игра, время, мѣсто и проч.,— все это мало по малу получало высшее значеніе, дѣлалось условнымъ, опредѣлялось точными правилами, отъ которыхъ нельзя было отступить ни на іоту. Обрядъ язычества каменѣлъ въ дѣдствіе своего магическаго, таинственнаго значенія. Вотъ отъ чего ничто такъ не было прочно въ нашемъ язычествѣ, какъ обрядъ. Онъ не пропалъ и тогда, когда уже совершенно утратилъ свой религіозный смыслъ. Большая часть обрядовъ стала пустою игрою народа, но эта игра со всею обстановкою крѣпко хранится и передается изъ рода въ родъ изъ какой-то суевѣрной боязни нарушить ее. Можно представить, какъ трудна была бы для церкви борьба съ язычествомъ, если бы наша языческая обрядность успѣла достигнуть до окончательной степени развитія въ правильно сформированномъ общественномъ богослуженіи. Но обратимся къ старинному чудесничеству.

Чѣмъ больше развивался обрядъ, тѣмъ болѣе онъ получалъ чудеснической характеръ, тѣмъ необходимѣе становились люди, умѣвшіе бить кудеса. При всей чудесности чудесничество не было произвольно; оно было связано съ важнѣйшими догматами язычества, особенно съ понятіями объ источникѣ всякой жизни—островѣ Булиѣ. Старинный заговоръ исполненъ мѣлическаго содержанія, составляетъ отрасль религіозно-языческаго эпоса. Въ его

словахъ таинственныхъ отразилось все языческое міросозерцаніе съ его понятіями о чудесныхъ, высшихъ силахъ. Образовался особенный священный языкъ, который употреблялся въ заговорахъ, особенная обрядность, которая ихъ окружила. Этотъ языкъ, эта обрядность уже не были достояніемъ всѣхъ; они были знакомы только нѣкоторымъ, посвятившимъ себя свящ. вѣдѣнію. Эти люди мало по малу далеко выдѣлились изъ толпы, какъ носители важныхъ религіозныхъ тайнъ. Они явились высшими натурами, пользовались благоговѣніемъ простыхъ людей и сами высоко цѣнили свою вѣщую мудрость. Въ сказкахъ и былинахъ вѣдуны и вѣдьмы постоянно превозносятся предъ народомъ и другъ передъ другомъ своими «премудростями и хитростями.» «Во стольномъ во городѣ въ Кіевѣ, хвалится одна вѣдьма въ былинѣ, а итъ меня хитрѣе, мудрѣе.» Другая отвѣчаетъ ей: «а и ты, еретица! я тебя хитрѣе, мудрѣе.»

Одинъ только волхвъ, вѣдунъ зналъ сокровенныя тайны миѳическаго міросозерцанія, миѳическую связь разныхъ силъ природы, сокровенную силу и связь стихій, могъ разгадывать всякіе предметы и явленія, гадать, владѣль тайнымъ знаніемъ травъ, камней, воды, огня и умѣлъ совершить всякаго рода чародѣянія и превращенія въ природѣ. Одинъ только онъ былъ знакомъ съ тайною жизни, заключенной на островѣ Буянѣ, съ зловредными и благотворными силами, живущими тамъ, съ тѣмъ ключемъ въ морѣ окіанѣ, которымъ отмыкались и замыкались самая недоступныя и непостижимыя тайны природы. Владѣя этими знаніями, вѣдунъ умѣлъ подобрать такія слова крѣпкія и могучія, поставить ихъ въ такое взаимное сочетаніе, что у него выходилъ полный образъ, выражавшій непостижимыя для всѣхъ отношенія тайныхъ силъ

къ жизни и ея различнымъ явленіямъ; онъ могъ въ своей молитвѣ — заговорѣ коснуться именно того изъ этихъ отношеній, которое требовалось въ данномъ случаѣ; его молитва — заговоръ прямо била въ цѣль, вызывала ту именно комбинацію тайныхъ силъ, ту самую ихъ дѣятельность, какая была нужна въ данное время. Могучее слово заговора было не только молитвою, но заклинаніемъ, которое имѣло крѣпость нерушимую, посредствомъ котораго можно было насильно вызвать божескую силу съ извѣстнымъ намѣреніемъ. Слово это было «укрѣпленіемъ, имъ же утверждались и замыкались» силы природы, было сильѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣче горячаго камня Алатыря, клѣче клѣю, солонѣе соли, «дѣйствовало по всядни, по вся часы, во дни и въ ночи, въ полудень и въ полночь.» Съ необычайной торжественностію вѣдунъ приступалъ къ своему могущему заклятію: «обтыкаюсь я частыми звѣздами, покрываюсь облакомъ», говорится въ началѣ заговоровъ. «Слово мое крѣпко», заключалъ онъ свой заговоръ. Замираю я заговоръ 77-ю замками и бросаю ключи въ океанъ-море подъ Алатырь камень. Кто камень Алатырь изложетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ; кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь. Какъ морю не высыхать, камня Алатыря не видать, ключей не доставить, такъ и заговору не кончится.»

Такъ въ словѣ, — высшемъ проявленіи разумности, — человекъ впервые созналъ свое владычество надъ природой, которая тяготѣла надъ нимъ своимъ деспотическимъ вліаніемъ. Это слово, облеченное въ форму заговора, заклятія, впервые зазвучало рѣшительнымъ протестомъ духа противъ грубыхъ, матеріальныхъ силъ. Природа не

смѣетъ идти на перекоръ духу; онъ ея владыка. Она должна войти въ свои границы, ея облака должны дать удержанный дождь, ея поля должны зеленѣть, ея животныя должны тучнѣть и множиться, ея стихіи не должны производить мора и болѣзней, потому что онъ этаго хочетъ, онъ этаго требуетъ. Всѣ стихійные боги должны быть покорны вѣщему заклятію, должны исполнять требованія могущественнаго вѣдуна. Не удивительно, что могущество вѣдуна являлось простому народу въ какихъ-то грозныхъ формахъ; благоговѣніе, которымъ окружали его, было смѣшано съ чувствомъ религіознаго страха. По сказанію былинь и народныхъ преданій вся природа приходила въ потрясеніе, когда на свѣтъ раждался новый вѣдунъ.

«А и на небѣ просвѣтя свѣтель мѣсяць,
 А въ Кіевѣ родился могучь богатырь
 Молодой Волхъ Всеславьевичъ,
 Подрожала мать сыра земля,
 Сотряслось славно царство индейское,
 А и синее море всколебалось
 Для ради рожденья молода Волха Всеславьича;
 Рыба пошла въ морскую глубину,
 Птица полетѣла высоко въ небеса,
 Туры да олени за горы пошли,
 Зайцы, лисцы по чащицамъ,
 А волки, медвѣди по ельникамъ,
 Соболи, куницы по островамъ.

Этой общей суматохой всей твари для ради рожденья молода Волха природа напередъ какъ бы выражала свое преклоненіе, свою покорность предъ вѣщей силой новорожденнаго вѣдуна.

Обратимся къ чародѣйской практикѣ волхвовъ, къ изображенію разныхъ сторонъ ихъ главной дѣятельности.

«Во времена язычества, говоритъ Шеннингъ, религія

обнимала собою всѣ способности и дарованія человѣческаго ума, всѣ знанія природныхъ силъ всѣ занятія и работы человѣческой жизни. Въ область религіи входила мудрость и краснорѣчіе, поэтическое вдохновеніе, пѣснопѣніе, вѣщая сила чародѣйства и познаніе будущности; ею осѣнялась справедливость суда, врачеваніе болѣзни и счастье домашняго крова,—и все это воплощалось въ одно общее представленіе вѣщей мудрости волхва—чародѣя. Но какъ чародѣй только посредникъ между человѣкомъ и высшимъ божествомъ, то и чудеса, производимыя вѣдунами и вѣдьмами, не прямо отъ нихъ исходятъ, но посылаются человѣку чрезъ ихъ посредничество, отъ высшихъ боговъ помощію заговоровъ, жертвоприношеній и обычныхъ обрядовъ. Всѣ повѣрья о вѣдунахъ и вѣдьмахъ, колдунахъ, волхвахъ представляютъ ихъ посредниками между людьми и божествами. Ихъ гаданія, врачеванія, заговоры носятъ на себѣ богослужебный характеръ жреческихъ дѣйствій, молитвъ, жертвоприношеній, разнаго рода языческихъ очищеній посредствомъ воды или огня и т. п. Бить кудеса имѣло значеніе религіозно-жертвенное, о которомъ смутное воспоминаніе и доселѣ еще хранится въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ народа, но которое уже успѣло потерять свой прежній смыслъ и исказилось подъ вліяніемъ христіанства.

Вѣдьмы доселѣ представляются или старухами или дѣвками-красавицами. Для объясненія этаго повѣрья припомнимъ, что древніе языческіе обряды и жертвы совершались или старыми хозяйками семьи или чистыми дѣвками. Обыкновенный костюмъ вѣдьмы—бѣлая рубашка,—указаніе на священныя бѣлыя одежды при обрядахъ. Самые эти обряды находятся въ тѣсной связи съ основными религіозными вѣрованіями. Мы уже видѣли нѣсколько

примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль въ описаніи обрядовъ разнымъ стихійнымъ божествамъ. Таковы: спрыскиваніе водою съ угля или золы, сожиганіе взятаго изъ подъ ноги слѣда, собираніе травъ и чары надъ ними, заговоры съ призываніемъ мѣсяца и звѣздъ и т. д. Сохранились въ памяти народной указанія на богослужебныя соборища колдуновъ и вѣдьмъ въ важнѣйшіе праздники язычества — коляду и купалу. Подъ вліяніемъ христіанства эти богослужебныя соборища превратились въ дикіе шабаши колдуновъ и вѣдьмъ съ дьяволами на Лысой горѣ, гдѣ они предаются нечестивому веселью.

Замѣчательно, что чары колдуновъ и вѣдьмъ народная память связываетъ съ разными принадлежностями домашнего очага; она подтверждаетъ этимъ и священное значеніе послѣдняго во времена язычества и вмѣстѣ богослужебный характеръ колдовскихъ дѣйствій. У вѣдьмы всегда хранится вода, вскипяченная съ пепломъ отъ купальскаго костра. Она надѣнетъ на себя бѣлую рубашку, сядетъ на помело, ухватъ, лопату или другую принадлежность очага, обрызнетъ себя водой и улетитъ въ трубу на Лысую гору. Здѣсь они неистово гуляютъ съ демонами. Бѣсовскія потѣхи начинаются съ 26 декабря, слѣдовательно какъ разъ въ праздникъ коляды, время самыхъ священныхъ обрядовъ язычества. 1-го января оргія бѣсовская доходитъ до высшей степени; 3-го января истощенныя гулянкой вѣдьмы жадно пьютъ молоко и задаиваютъ коровъ; 18-го совершенно теряютъ память отъ излишняго веселья. На праздникъ купалы опять бываютъ собранія колдуновъ и вѣдьмъ на Лысой горѣ. Въ этомъ собраніи, по современному народному повѣрью, они держатъ совѣщанія на пагубу людей и скота, собираютъ разныя зелья и варятъ ихъ. До такой степени исказились

здѣсь уже слѣды древнихъ купальскихъ обрядовъ собранія травъ и возжиганія священныхъ костровъ. Въ слѣдствіе своего общественнаго характера богослуженіе въ купальскую ночь вѣроятно изоболте требовало особенныхъ представителей народа для своего совершенія, а потому здѣсь особенно должно было развиваться священное жреческое значеніе вѣдуновъ и вѣдьмъ. Собираніе зелья, имѣвшихъ такую большую важность въ древней суеверной жизни, для врачеванія отъ болѣзней и предотвращенія всякой нечистой силы, необходимо должно было производиться подъ руководствомъ людей обладавшихъ вѣдѣніемъ тайныхъ силъ растительнаго царства. Когда христіанство объявило бѣсовскимъ все, что относилось къ древнему язычеству, собираніе травъ получило дурную цѣль — пагубу людей и скота; эта цѣль навязана главнымъ органамъ язычества — вѣдунамъ и вѣдьмамъ. Но еще доселѣ вѣра въ благотворное дѣйствіе купальскихъ травъ, въ ихъ очистительную и цѣлебную силу указываетъ на древнее значеніе обряда.

Подъ вліяніемъ распространившихся въ народѣ новыхъ христіанскихъ понятій вообще все, что относилось къ колдовству и вѣдунству, получило бѣсовскій, враждебный и зловредный характеръ. Волхвъ, въ противоположность служителямъ истиннаго Бога, сталъ служителемъ бѣсовъ. На колдуна и вѣдьму стали смотрѣть, какъ на существа злыя, стоящія въ тѣсной связи съ дьяволами. Вѣра въ нихъ, можно сказать, нисколько не ослабѣла; всѣ эти чародѣи и чаровницы, зелиники, обаяники, сновидцы, об-лакопрогонники, лихія бабы и другіе оставались въ прежнемъ уваженіи; народъ вѣрилъ ихъ необыкновенной силѣ и со страхомъ прибѣгалъ къ ихъ чудотворнымъ знаніямъ, а въ старину и правительство, преслѣдуя ихъ, не возвы-

шалось надъ народной вѣрой. Измѣнился только взглядъ на причину ихъ могущества. Составились цѣлые рассказы о томъ, какъ колдуны заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, закладывая ему свою душу и закрѣпляютъ тотъ закладъ роспиской, которую пишутъ своею кровью. Всѣ дѣйствія колдуновъ стали вредными, служеніемъ нечистой силѣ, которая и повинуется имъ и вмѣстѣ господствуетъ надъ ними. Нечистая сила постоянно требуетъ отъ колдуна работы на пагубу людей, такъ что они должны прибѣгать къ хитрости; чтобы занять своихъ слишкомъ уже усердныхъ слугъ, заставляютъ ихъ напримѣръ считать листья въ лѣсу, вить веревки изъ песку или воды и т. п. Вѣдьма тоже мстительное и злобное существо, дружится съ нечистою силою, гуляетъ съ нею по ночамъ и трудится только на пагубу людямъ. Самая наружность вѣдьмъ получила демоническую принадлежность. По виду они обыкновенныя женщины, молодая изъ нихъ даже очень красивы собой; но, если кто поинтересуется обратить свое вниманіе у нихъ на задъ, непременно замѣтитъ небольшой хвостикъ, который онѣ тщетно стараются скрыть, отъ этаго онѣ и обращаются обыкновенно все въ хвостатыхъ животныхъ.

У всѣхъ первобытныхъ народовъ священныя религіозныя тайны передавались по непрерывному устному преданію отъ отца къ сыну и переходили такимъ образомъ изъ рода въ родъ. Нѣкоторыя изъ этихъ тайнъ, изъятая изъ обиходнаго вѣдѣнія, наприм. заговоры и кудесническіе обряды, были извѣстны только старѣйшинамъ родовъ или даже однимъ вѣдунамъ и были передаваемы другимъ особенно торжественно; старшина рода или вѣдуны открывалъ свои таинственныя знанія и чары своему преемнику уже на смертномъ одрѣ. Память объ этомъ сохра-

нилась и въ христіанствѣ, но также въ извращенномъ видѣ. Дьяволы даютъ колдунамъ черную книгу, гдѣ изложены всѣ чародѣйскіе секреты; названіе ея черная (въ контрастѣ свѣтлой, красной) показываетъ ея нечистое, темное происхожденіе и значеніе; она ключъ къ колдовству; кто ее найдетъ случайно и станетъ читать, тому тотъ часъ же явятся черти съ требованіемъ для себя работы. Эту-то черную книгу, и оставляетъ колдунъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Передать ее кому нибудь вмѣстѣ съ своими секретами передъ смертью необходимо, иначе онъ не получитъ себѣ покоя послѣ смерти. Изъ гроба встанетъ колдунъ, чтобы исполнить эту обязанность, если онъ не успѣетъ этаго сдѣлать передъ смертью. Другіе принадлежности чародѣевъ—чернокнижниковъ также характеризуются эпитетомъ *черный*, наприм. черная кошка и черный пѣтухъ—необходимые спутники вѣдьмъ. Съ этими животными въ старину и казнили вѣдьмъ, сожигали или закапывали въ землю. По своему темному значенію, полученному въ христіанствѣ, вѣдьмы симпатизируютъ съ странною тьмы-западомъ; съ своихъ разгуловъ и гулянокъ вѣдьма возвращается домой непремѣнно съ западной стороны. Нельзя отвергать совершенно того, что могущество вѣдуновъ могло быть иногда страшнымъ, зловреднымъ и во времена язычества. Мы уже видѣли, что при недостаточномъ развитіи дуализма въ нашей мѣологии, самыя даже свѣтлыя божества носятъ двойственный характеръ, производятъ и полезное и злоторное вліяніе на жизнь; очень немудрено, что и вѣдунъ, знавшій сокровенныя тайны и средства дѣйствовать на боговъ, могъ обратить свое знаніе во вредъ людямъ или изъмести или по просьбѣ, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ; но все таки онъ не могъ быть такимъ спе-

ціалістомъ зла, коимъ онъ ставъ въ христiанское время. Онъ былъ служителемъ боговъ свѣтлыхъ и его сила была не силою тьмы, а силою, исходявшею отъ высшихъ міродержавныхъ существъ.

Къ кругу извращенныхъ повѣрій о колдунахъ и вѣдмахъ относится всѣмъ извѣстное повѣрье о томъ, будто они скрадывають свѣтила небесныя; это самое обычное ихъ занятіе особенно въ коляду и на купалу. Для объясненія этаго повѣрья, г. Аѳанасьевъ въ своей статьѣ «о вѣдунахъ и вѣдмахъ» сближаетъ его съ однимъ болгарскимъ повѣрьемъ, которое говоритъ, что магесницы (вѣдмы) могутъ снимать съ неба мѣсяць, который тогда обращается въ корову; магесницы доятъ эту корову и приготавливаютъ изъ молока масло для врачеванія неизлечимыхъ болѣзней и для другаго чародѣйскаго употребленія. Это повѣрье переноситъ насъ въ область зооморфическихъ олицетвореній небесныхъ свѣтилъ въ образахъ коровъ, лошадей, небеснаго скота. Пользуясь этимъ сближеніемъ, г. Аѳанасьевъ объясняетъ сказаніе о скрадываніи небесныхъ свѣтилъ тѣмъ, что оно первоначально имѣло благое значеніе; сила мольбы и вѣдовскихъ заговоровъ была такова, что свѣтлые боги плодородія и всякаго обилія непременно преклонялись въ пользу людей, ниспосылали благотворную влагу, урожай и проч. Это пластически и выражалось подъ образомъ «доенія небесныхъ свѣтилъ.» Это положеніе, говоритъ онъ, находитъ себѣ прямое подтвержденіе въ томъ, что свѣтъ небесныхъ свѣтилъ и теплота, разливаемая солнечными лучами, по стариннымъ повѣрьямъ, представляются небеснымъ молокомъ и вообще жидкостію. Магесницы доятъ луну и изъ ея молока приготавливаютъ чудесное масло; млечной путь, самымъ названіемъ своимъ говоритъ о древнемъ вѣрованіи,

которое подтверждается доселѣ сохранившимся преданіемъ: млечной путь, по народному объясненію, есть молоко, не всосанное однимъ дитятею и разлитое по небу. Загадка: одна чаша масла всему свѣту доста, означаетъ солнце. Свѣтъ и дождь понимались, какъ плодотворное молоко проливавшееся изъ сосцевъ небесныхъ коровъ. И солнечные лучи и дождь, и молнія, и роса—всѣ эти явленія даютъ плодородіе. Звѣзды и мѣсяць своимъ яркимъ свѣтомъ также вліяютъ на плодородіе всего, что родится и что растеть на землѣ... Пластическая сила языческихъ моленій выразилась въ томъ, что вѣдуны и вѣдмы сосутъ и доятъ небесныхъ коровъ, которыя согрѣваютъ и одождняютъ землю и всему даютъ плодородіе.»

Не отвергая этаго, впрочемъ очень искусственнаго объясненія, можно представить другое болѣе простое и болѣе близкое къ непосредственному смыслу народа. Мифъ о скрадываніи небесныхъ свѣтилъ могъ прямо выродиться изъ перетолкованныхъ выраженій древнихъ молитвъ при сообщеніи имъ дурнаго значенія. Сила этихъ молитвъ заговоровъ была такъ велика, что сводила божества на землю; они должны были явиться на кудеснической зовъ вѣдуна. Въ заговорахъ читаемъ: «мѣсяць ты красный, сойди въ мою клѣть! Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ! Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную! Сойди ты, мѣсяць, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облакъ; твоя сила могуча.» Или: «опоясываюсь я частыми звѣздами, облакаюсь я облакомъ» и проч. Этотъ самоувѣренный вызовъ боговъ и получилъ значеніе скрадыванія небесныхъ свѣтилъ.

Такъ какъ вѣдуны имѣли силу распорядиться силами стихійныхъ боговъ, то имъ приписывалось могущественное вліяніе на погоду и плодородіе. Приводимъ нѣсколько

фактовъ изъ изслѣдованія г. Аѳанасьева. Знахарь можетъ располагать дождемъ и градомъ по желанію... Разъ сдѣлалась страшная буря, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ. Вдругъ откуда ни взялся, летитъ къ знахарю черный челоуѣкъ на черномъ конѣ. «Пусти», говоритъ.— Не пушу, отвѣчаетъ знахарь. «Пусти, сдѣлай милость!» — Не пушу; за чѣмъ было такъ много набирать? — Ъздокъ уѣхалъ, тучи посизѣли и побѣлѣли: всѣ ожидали граду. Несется ко знахарю другой ѣздокъ весь бѣлый и на бѣломъ конѣ. «Пусти.» — Не пушу.— «Пусти, ради Бога!» — Не пушу; зачѣмъ было набирать такъ много? — «Эй пусти; не выдержу.» Тогда знахарь разогнулся и сказалъ: «ну, ступай! только въ той долинь, что за нивою. «Ѣздокъ исчезъ и градъ зашумѣлъ въ долинь за нивою. О вѣдьмахъ тоже извѣстно, что они крадутъ дождь и росу съ неба, уносятъ ихъ въ завязанномъ горшкѣ или въ мѣшкѣ и насылаютъ градъ и бурю. Обиліе и плодородіе также много зависитъ отъ нихъ. Вотъ одинъ рассказъ въ этомъ родѣ. Жили три брата и занимались звѣриною и рыбною ловлею. И тотъ и другой промыселъ былъ для нихъ всегда счастливъ: закинутъ сѣти, а они уже полны рыбою; зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлъ. А дѣло въ томъ, что у нихъ была мать вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тайкомъ тенета и ружья и пошли на охоту за зайцами, а матери сказали: идемъ рыбу ловить. И что же? Раскинули тенета и вмѣсто зайцевъ полезли въ нихъ окуни, караси и лещи.

Уничтоживъ доброе значеніе вѣдунства, христіанство дало поводъ къ вѣрованію, что вѣдьмы могутъ задерживать плодородіе, отнимать у хлѣба спорынью. На украинѣ доселѣ говорятъ: какое пространство земли вѣдьма можетъ

покинуть своимъ взоромъ, на такое можетъ наслать голодъ и моръ. Болѣе грубое представленіе о пагубной силѣ вѣдьмъ хранится въ повѣртіи о заломахъ ржи. Известный намъ обрядъ завиванія бороды волосу передъ жнитвомъ есть предохранительное средство отъ заломовъ. Какъ водится, вѣдьмамъ первоначально принадлежало это предохранительное завиваніе хлѣбныхъ колосьевъ, религиозное посвященіе ихъ волосу. Потомъ съ распространеніемъ христіанства явилось зловерное завиваніе ихъ заломы. Злой знахарь беретъ горсть стеблей, ломаетъ ихъ въ правую сторону, а завиваетъ въ лѣвую. Въ узелъ кладетъ зола, соли, могильной земли, также расваренныя зерна, уголь и яичную скорлупу. Если не разведетъ залома хорошей знахарь, скотъ падетъ у хозяина нивы, домъ сгоритъ, сгинетъ вся семья и вся родня и проч. Особенно опасно скосить или сорвать куклу или закрутъ. Этими повѣртіями прекрасно объясняется древнее лѣтописное извѣстіе о томъ, какъ волхвы, явившіеся во время голода въ XI вѣкѣ сваливали всю вину народнаго бѣдствія на старыхъ женщинъ, говоря, что они «держатъ гобино», и многихъ изъ нихъ предали смерти. Эти лучшія, старыя жены были по всей вѣроятности старшія женщины въ семьяхъ, которыя совершали языческія обряды и получили значеніе вѣдьмъ. Въ старину, по свѣдѣтельству преданій, при всякой повальной болѣзни закапывали въ землю бабу, заподозрѣнную въ злыхъ умыслахъ и зломъ чародѣйствѣ. Въ Украинѣ существуетъ сказаніе взятое изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкой, обвинила ее въ скрадываніи росы. Обвиненную признали вѣдьмой и торжественно предали сожженію.

Земледѣльцы просятъ вѣдуновъ о погодѣ и плодородіи,

скотоводъ прибѣгалъ къ нимъ съ просьбой, чтобы они дали приплодъ его скоту, молоко его коровамъ и проч. Сдѣлавшись злобнымъ существомъ, вѣдьма стала портить коровъ, задаивать ихъ. Замѣчательно, что самымъ обычнымъ временемъ для задаиванія коровъ доселѣ остались коляда и купало, когда совершались главные обряды для испрошенія у боговъ всякаго рода обилія и довольства. Въ это же время вѣдьмы заѣзжаютъ лошадей, отправляясь на нихъ на лысую гору. Есть особенные обряды для предохраненія скота отъ порчи, которые во времена язычества по всей вѣроятности совершались вѣдунами и вѣдьмами, а теперь обращены противъ нихъ самихъ. По клевамъ тычутъ разныя предохранительныя травы, а въ купалу переводятъ скотину черезъ зажженные костры или кучи колючихъ растеній. Другіе обряды совершаются въ день св. Василія и Юрьевъ, весной, когда въ язычествѣ праздновали живительному солнцу и покровителю скота—волосу. И снова встрѣчаемся въ это время съ тѣмъ же извращеннымъ значеніемъ вѣдуновъ и вѣдьмъ. Въ день св. Василія оборотни въ видѣ черныхъ собакъ и кошекъ сосутъ молоко у коровъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ на скотъ падежъ. На зарѣ же юрьева дня (23-го апрѣля) знахари и вѣдьмы выходятъ въ поле, разстилаютъ по росѣ холсты; потомъ накрываютъ имъ коровъ, и отъ того эти становятся тощими и недойными. Вѣдьма можетъ испортить коровъ на такое пространство, какое можетъ окинуть своимъ взглядомъ. Тоже самое говорится о скрадываніи дождя.

Также видоизмѣнилось и обратилось во враждебное, дикое, прежнее благотворное отношеніе вѣдьмъ къ людямъ.

Съ понятіемъ знахаря, вѣдуна, волхва всегда соединялось понятіе о врачеваніи отъ болѣзней. Народные обряды

и повѣрья не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что лекарское искусство всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ хитростей - мудростей колдуновъ. Встарину всякую болѣзнь считали дѣйствіемъ злой силы; избавиться отъ нея можно было только посредствомъ религіозныхъ обрядовъ, для совершенія которыхъ и призывали волхвовъ. И доселѣ еще народная медицина состоитъ въ волшебствѣ и главнымъ образомъ основывается на окуриваніи, сбрызгиваніи или умываніи, дуновеніи, также различнаго рода заклятійхъ и заговорахъ. Деревенскій знахарь вездѣ пользуется гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ самый опытный врачъ. Знахарь вообще самое необходимое лице въ деревнѣ. Съ нимъ все совѣтуются, онъ призывается на помощь во всехъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, безъ него часто вовсе нельзя обойтись. Для прогнанія нечистой силы, чужаго домоваго, кикиморы и разныхъ духовъ необходимо обратиться къ колдунамъ. У нихъ просятъ помощи, когда приключится какая нибудь бѣда, "нападетъ на сердце кручина, случится пропажа, угрожаетъ врагъ, мужъ жену не любитъ," свекоръ или свекровь дикъ, и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Они же занимаются всякаго рода гаданіями и предсказаніями. Богослужебное значеніе колдовства, очистительные обряды, заговоры, заклинанія выступаютъ здѣсь очень выразительно и тѣмъ несомнѣннѣе становится то, что вредъ отъ чародѣйства уже позднѣйшее христіанское явленіе, происшедшее отъ искаженія первичныхъ вѣрованій.

Знахарь, вѣдунъ призывался въ старину при рожденіи человѣка и освящалъ новорожденнаго, нарекалъ ему имя, навязывалъ ладонку, амулеты (наузы), которые служили предохранительнымъ средствомъ отъ глаза и нечистой силы. Въ словѣ св. Кирилла говорится, что баба "начтетъ на

дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинаятъ... творится дѣти врачующе». Даже въ XVI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новгородской области носили дѣтей не къ священникамъ, а къ чудскимъ арбуямъ, и эти нарекали имя младенцу и дѣлали надъ нимъ волхвованія. Нечистая сила, враждебная всякой жизни, особенно старается портить всякій плодъ и рожденіе. Отъ этого, по народнымъ повѣрьямъ нигдѣ нѣтъ столько на-костей отъ нея, какъ при бракѣ. «Свадьба безъ дивъ не бываетъ», говоритъ пословица. Колдунъ считается необходимымъ лицомъ при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ; онъ защищаетъ молодыхъ и свадебный поѣздъ отъ всякой нечистой силы и чаръ. Онъ ѣдетъ впереди всего свадебнаго поѣзда съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ, птопывая и размахивая по временамъ руками; это значитъ, что онъ борется съ нечистою силою, которая строитъ молодой четъ козни. Но въ тоже время колдунъ можетъ испортить молодыхъ, скрыть у невѣсты половой органъ, сдѣлать жениха безсильнымъ, отнять у женщины плодородіе; или вдругъ ни съ того ни съ сего молодые возненавидятъ другъ друга, и съ самаго же начала рушится семейное счастье. Въ простонародьи серьезно вѣрятъ, что колдуны могутъ жениха, невѣсту и весь поѣздъ сглазить и обратить въ стадо волковъ или собакъ, для чего они будто бы варятъ медвѣжье сало или сушатъ волчье сердце и потомъ это сладобье бросаютъ на дорогу гдѣ ѣхать поѣзду. По рассказамъ, во время свадебной попойки вдругъ найдеть на гостей скорбь и начнутъ они кликать безъ ума и памяти. Повѣрья говорятъ, что злобные колдуны и вѣдьмы могутъ испортить младенца еще въ утробѣ матери. Если стрекочетъ сорока, то беременная женщина не должна выходить изъ избы. Въ сороку

можетъ быть, обратилась какая нибудь вѣдьма; она или испортитъ младенца на весь вѣкъ или выкрадетъ его изъ утробы матери. Рожденіе уродовъ въ старину объясняли порчей младенца, произведенной чрезъ колдовство. Во время беременности и потомъ послѣ рожденія до крещенія особенно нужно беречь дѣтей отъ злаго волшебства.

Точно тоже относительно врачеванія болѣзней. Какъ ни велика въ этомъ отношеніи сила знахарей и колдуновъ, но со всѣми его благими дѣйствіями повѣрья соединяютъ теперь нѣчто страшное. Колдунъ всегда можетъ произвести зло и порчу; по самой природѣ онъ уже зло, и если дѣлаетъ когда добро, то за просьбы, деньги и покорище. Большею частію они не только не врачуютъ болѣзни, но даже сами посылаютъ ихъ, сушатъ человека, посылаютъ на него мару, отводятъ глаза, такъ что ему все представляется въ обманчивыхъ образахъ. Томить сухота сердечная, ѣсть пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ, — напустили, можетъ быть изъ подъ вѣтру или со слѣда, а можетъ быть зелья чревоотравнаго дали, что собирала чаровница въ ночь купалы. Лихой колдунъ, знающій искусство возбуждать вѣтры, направляетъ ихъ своими заговорами, когда угодно, производитъ вѣтеръ, потомъ бросаетъ по нему пыль и приговариваетъ, чтобы такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человека, чтобы его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч. Если обреченная жертва поведетъ подъ вѣтеръ, съ ней сбудется все, что ей пожелаетъ колдунъ, или же колдунъ выберетъ слѣдъ изъ подъ ноги, замуруетъ его въ печи или сожжетъ, и тотъ, изъ подъ чьей ноги его выберутъ, непременно изсохнетъ. Кликанье также происходитъ отъ колдовской порчи. Кликуши всегда увѣряютъ, что въ нихъ сидитъ столько-то демоновъ и что ихъ наслалъ такой-то

колдунъ. Колдуну или вѣдьмѣ вообще ничего не стоитъ, по народному повѣрью, насажать въ человѣка бѣсовъ или какихъ нибудь гадостей.

Колдунъ можетъ даже совершенно извратить природу человѣка, оборотить его въ животное. Вѣра въ оборотней всегда была очень распространена въ народѣ. Чародѣи, чтобы имъ удобнѣе было вредить людямъ, постоянно обращаются въ разные образы. Умѣнье оборачиваться перечисляется въ числѣ главныхъ мудростей чародѣя. Былина о Волхѣ Всеславичѣ рассказываетъ.

«Въ тапоры учился Волхъ премудростямъ:

А и первой премудрости учился —

Обертываться яснымъ соколомъ,

Ко другой премудрости учился —

Обертываться сѣрымъ волкомъ,

Ко третьей премудрости учился Волхъ

Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога».

Мы уже приводили свидѣтельство Іоанна екзарха болгарскаго, которое объясняетъ самый процессъ превращеній: «се же есть первое: тѣло свое хранить мертво и летаетъ орломъ и ворономъ и ястребомъ и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ и волкомъ, летаютъ змѣемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». Т. е. эти образы принимаетъ на себя душа вѣдуна въ то время, какъ замираетъ его тѣло. Это замиранье тѣсно связано съ тѣмъ изступленьемъ, которымъ большею частію сопровождаются священные обряды и въ современныхъ языческихъ религіяхъ. Славянскій волхвъ навѣрное прибѣгалъ къ тѣмъ же поразительнымъ для толпы средствамъ, къ какимъ прибѣгаетъ наприм. сибирскій шаманъ, который, возбудивъ въ себѣ изступленіе пѣніемъ и дикой пляской, катается въ судорогахъ предъ трепещущей отъ страха толпой и кричитъ голосами разныхъ животныхъ. Доселѣ

сохранилось повѣрье, что колдунъ, произнося заговоры, слабѣетъ, теряетъ силы. Въ своемъ священномъ восторгѣ, вѣдунъ, какъ вѣщій Боанъ въ «словѣ о полку Игоревѣ», растекался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подь облаки, скакалъ соловьемъ по мысленному древу, леталъ умомъ подь облаки, рыскалъ въ тропу трояню черезъ поля на горы. Вѣщан душа, отдѣляясь отъ тѣла, сообщалась съ міромъ боговъ, получала даръ вѣденія и предвѣщаній.

При затемненіи древнихъ вѣрованій всѣ эти эпическія представленія огрубѣли. Вѣщіе колдуны стали превращаться въ разные образы не только душою, но и тѣломъ, на самомъ дѣлѣ. Натреть вѣдунъ или вѣдьма подь мышками сокомъ травы тирлича, или ударится головой объ землю, перевернется черезъ 12 ножей, — и сей часъ же оборотится, во что вамъ угодно. Это оборотни злые, добровольные; они вредятъ всему, задаиваютъ коровъ, сосутъ кровь у спящихъ людей и проч. Люди, насильно обороченные въ животныхъ по злобѣ вѣдьмъ, оборотни невольные и никому не вредятъ. Считаемо излишнимъ приводить здѣсь многочисленныя и всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныя рассказы объ оборотняхъ, о томъ наприм., какъ мужикъ подь шкурой убитаго имъ медвѣдя нашелъ бабу въ сарафанѣ, — вѣдьму, какъ одинъ старикъ, схвативъ за хвостъ сороку, увидалъ у себя въ рукѣ бабу рубашку, а сорока улетѣла и т. п. Сорока, какъ рассказываютъ, была прежде вѣдьмой, но осталась такою, потому что у нея украли во время ея превращенія ножи, черезъ которые она перекидывалась. Вѣдьмы всего болѣе любятъ превращаться въ эту птицу, на которую въ народѣ смотрятъ очень недоброжелательно, какъ на нечистую. Отъ этого вѣдьмы ничего столько и не боятся, какъ убитой

сороки. Если убитую сороку повѣсить въ коровьемъ кле-
ву, вѣдьма ни за что не пойдетъ туда задаивать коровъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ чародѣйство получило зловредное
значеніе, стало нужно употреблять противъ него предо-
хранительныя средства. И здѣсь его прежнее значеніе
выразительно обнаруживается въ томъ, что для избавленія
отъ порчи и колдовства прибѣгли за помощью къ чаро-
дѣямъ же. Старое и новое значеніе ихъ видимо путаютъ
и перемѣшиваются между собою. Одни колдуны портятъ,
другихъ призываютъ снимать эту порчу, предохранять отъ
нея или угадывать, кто испортилъ. Колдуны вступили
между собою въ борьбу своимъ искусствомъ; одинъ ста-
рается своимъ вѣдовствомъ уничтожить вѣдовство другого.
Заговоры, которые произносились язычниками вѣдунами
въ защиту отъ нечистой силы, обратились противъ нихъ
самихъ; въ нихъ стали просить защиты «отъ бабьихъ за-
зорь, отъ хитраго черноокнижника, отъ заговорнаго ку-
десника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ
вѣдьмы кievской и злой сестры ея муромской». Противъ
нихъ же стали употреблять разныя травы и другія сред-
ства, заимствованныя изъ языческихъ обрядовъ, которые
совершали прежде волхвы въ защиту отъ нечистой силы,
смерти и болѣзней. На западной сторонѣ домовъ или цѣ-
лой деревни разсыпаютъ наприм. золу изъ 7 печей или
вбиваютъ осиновыя колья, потому что вѣдьмы всегда воз-
вращаются съ запада. Зола здѣсь представительница вѣ-
рованій въ благодѣтельную силу домашняго очага. Осина
въ язычествѣ вѣроятно имѣла доброе значеніе, какъ де-
рево жизни, вѣчно трепещущее своими листьями. Она,
какъ извѣстно, употребляется противъ упырей или вам-
пировъ, колдуновъ, которые встаютъ изъ могилы для
того, чтобы сосать кровь живыхъ людей. Такого мертве-

ца, тоже всегда колдуна, отрываютъ въ могилѣ и вбива-
ютъ ему въ грудь осиновый колы. Но и осина раздѣлила
въ христіанствѣ общую судьбу всѣхъ принадлежностей
язычества, получила дурное значеніе; на ней удавился
Иуда. Въ заключеніе всего и въ довершеніе новаго демо-
ническаго значенія вѣдьмъ прибавимъ, что вѣдьму и бить
нужно не просто, а на отмашь, какъ обыкновенно чертей
бьютъ.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ ИСТОРИИ

ОРАНСКОЙ ПУСТЫНИ.

ВРЕМЯ ОТЪ ПОСТРОЕНИЯ ОБИТЕЛИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ШТАТОВЪ (1634—1764 г.)

(Продолженіе.)

Между тѣмъ, какъ стѣсняемая Мордвою въ своихъ вла-
дѣніяхъ, обитель до поры до времени терпѣливо перено-
сила свою тяжкую долю, новая гроза, новая опасность
собиралась на нее, и тѣмъ болѣе страшная, что жертвою
ея могъ сдѣлаться самъ престарѣлый основатель ея, Петръ
Андреевичъ Глядкоу. Устроивши обитель и обезпечивъ
ее всѣмъ нужнымъ, Глядкоу первоначально не жилъ въ
ней и только по временамъ пріѣзжалъ сюда изъ отчины
своей, Бочеева, для наблюденія и хозяйственныхъ распо-
ряженій. Непосредственное завѣдываніе обителью предо-
ставлено было имъ упомянутому нами іеромонаху Теоодо-
риту, который вмѣстѣ былъ и единственнымъ священни-
комъ новоустроеннаго храма. Такъ прошло около 8 лѣтъ.
Глядкоу состарѣлся и желая быть погребеннымъ въ

основанной имъ пустыни, рѣшился провести въ ней остатокъ своей жизни. Въ 1642 г. онъ отписалъ на пустынь «на вѣчное поминовение своего рода» все свое имѣніе, состоявшее въ 40 дворахъ крестьянъ, со всею землею и и угодьями, и, принявъ иноческій санъ подъ именемъ Павла, переселился въ обитель. Не принимая священства, котораго онъ считалъ себя недостойнымъ, Павелъ принялъ однако управленіе обителью и несмотря на масти-тую старость (ему было около 60 лѣтъ, когда постригся), въ теченіи 23 лѣтъ неусыпно заботился объ ея благѣ и спокойствіи. Для большаго удобства обители онъ переселилъ къ ней часть пожертвованныхъ крестьянъ своихъ. Мѣсто поселенія ихъ первоначально было въ двухъ верстахъ отъ монастыря и они исправляли всѣ полевая работы, въ которыхъ нуждался монастырь для своего прокормленія и обихода (1). Наступилъ 1656 годъ. Въ это

(1) О числѣ и самыхъ именахъ этихъ переселенцевъ сохранилась въ монастырскихъ актахъ выпись изъ нижегородскихъ писцовыхъ книгъ, данная Гладкову по его просьбѣ для сыска бѣжавшихъ съ новаго поселенія людей. Вотъ она: «Выпись съ нижегородскихъ книгъ переписи князь Ивана Шеховскаго, да подъячего Прокофья Симанова въ 7154 (1646) году. Въ Закудемскомъ стану написано, сверхъ писцевыхъ книгъ объявилось о пустыни Словенскія горы за Богородицкимъ монастыремъ; у монастыря дворъ монастырской поставленъ для проезжихъ людей, и въ немъ живетъ старецъ; да къ тому жъ монастырю поле поляна, а на немъ дворъ скотной, а живетъ въ томъ дворѣ дворникъ Микифоръ Ивановъ; да бобыльскихъ дворовъ: дворъ Ѳомка Алексѣевъ у него сынъ Ивашка, дворъ Евстихей Андреевъ, дворъ Левка Фреловъ, дворъ Ѳедька Ивановъ, у него сынъ Ивашка, дворъ Данилко Панкратьевъ, дворъ Ивашко, Гришка Борисовы дѣти, у Ивашки сынъ Данилко, у Гришки сынъ Андрюшка, дворъ Ѳомка Лукояновъ, дворъ Карпушка Козминъ и дворъ Петрушка Михайловъ. Да на бору дворъ поставленъ для проезжихъ людей на большой дорогѣ, а въ немъ живетъ старецъ для милостыни на пропитаніе братіи. И всего за Богородицкимъ монастыремъ десять дворовъ, а въ нихъ шеснадцать человекъ. Одинъ дворъ скотной, а въ немъ одинъ человекъ. А дана сія выпись строителю старцу Павлу Гладкову съ братією на ихъ монастырскихъ крестьянъ по ихъ челобитью и по помѣтѣ и выпискѣ дьяка Степана Венедиктова для сыску бѣглыхъ крестьянъ въ нынѣшнемъ въ 272 (1665) году». Подлинную выпись въ концѣ по склейкамъ скрѣпилъ дьякъ Андрей Яковлевъ (Акт. Оранск. мон. л. 2.)

время по Россіи свирѣпствовала моровая язва и многіе пали подъ ея смертоносными ударами. Одинокимъ участіемъ съ другими городами и селеніями подверглась и Словенская пустынь. Отъ всей братіи осталось въ монастырѣ только трое: самъ настоятель, Гладковъ, монахъ Евремъ да Андрей, бывший монастырскимъ работникомъ. Остальные же умерли или разбѣжались. Этому-то послѣднему и пришла въ голову нечестивая мысль — воспользоваться безлюдіемъ пустыни и убить настоятеля съ монахомъ, чгобы на свободѣ пожитья оставшимся добромъ. По сказанію монастырской рукописи, Гладковъ свялся чудомъ отъ этого умысла. Разбойникъ невидимою силою оставленъ былъ у самыхъ дверей настоятельской кельи. Пораженный ужасомъ, но не раскаяннымъ, онъ тотчасъ же бѣжалъ изъ монастыря въ Борцово, къ Мордвѣ, гдѣ его разсказъ о безлюдствѣ пустыни и богатствѣ ея снова пробудилъ старую ненависть и корыстолюбіе нехристей. Въ помощь себѣ Борцовская Мордва пригласила и жителей сосѣднихъ, одноплеменныхъ поселеній. Но не довѣряя еще вполнѣ работнику и опасаясь какой нибудь ловушки, они не пошли открыто въ монастырь, а послали сначала развѣдать, дѣйствительно ли такъ, какъ было передано имъ. Посланные сказались въ монастырѣ, что они русскіе, идутъ изъ Москвы и вотъ уже третій день какъ ничего не ѣли, такъ какъ негдѣ было попросить или купить съѣстнаго. Не смотря на ясность обмана, Гладковъ простодушно повѣрилъ сказанному и съ радушіемъ предлагалъ имъ, что Богъ послалъ. Веротившись къ своимъ, посланцы подтвердили слова работника. Но немощь мірской силы съ избыткомъ вознаграждалась для монастыря помощію силы небесной. Лишь только Мордва подошла къ воротамъ обители, они растворились сами собою и

множество народа бросилось на нечестивыхъ разбойниковъ. Испуганные, изумленные, они думали уже только о собственномъ спасеніи и рады были, когда по добру по здорому добрались до домовъ своихъ. Урокъ впрочемъ скоро былъ забытъ. И не прошло мѣсяца, какъ демонъ-искуситель опять подбилъ ихъ идти на монастырь. Ночью, тихою подкрались они, уже вошли въ обитель, но тоже чудное видѣніе вой небесныхъ, внезапно явившихся предъ ихъ глазами, снова заставило ихъ обратиться въ бѣгство и снова спасло обитель отъ ихъ хищническаго набѣга. Между тѣмъ ни самъ Глядковъ, ни оставшійся монахъ Ефремъ ничего этого не знали и не подозрѣвали, какой опасности подвергались и они и ихъ обитель. Все это стало извѣстнымъ уже спустя нѣсколько времени, когда пришла въ обитель «добрая Мордва» и рассказала. Работникъ же, виновный въ этомъ, тоже былъ постигнутъ Божественною карою. Онъ умеръ внезапно, возвращаясь съ Мордовою изъ послѣдняго ея набѣга, и былъ брошенъ безъ погребенія. Спасенный заступничествомъ Богоматери, Глядковъ еще съ большимъ рвеніемъ занялся дѣлами своей обители. Снова стеклись къ нему любители монастырскаго уединенія и подвиговъ, снова начались козни и продѣлки сосѣдней Мордвы. Управившись съ послѣднею при помощи царской грамоты, Глядковъ имѣлъ еще радость видѣть умноженіе матеріальныхъ средствъ обители отъ вклада своихъ родственниковъ. Въ 1665 году, два сына его Иванъ и Алексѣй Петровичи, слѣдуя примѣру своего да гочестиваго родителя, дали монастырю вкладную грамоту на принадлежавшихъ имъ крестьянъ села Бочеева. Около того времени третій сынъ, Михаилъ Петровичъ подарилъ обители свою отчину, находившуюся въ Пензенскомъ уѣздѣ, Засурскаго стана, въ сельцѣ Архангель-

скомъ. Неизвѣстно какъ великъ былъ даръ верныхъ двухъ. Михаилъ же Петровичъ отписалъ на монастырь 60 четвертей земли съ поселенными на ней бѣглыми крестьянами той же Оранской пустыни (*). Близкіе родственники строителя Андрей и Петръ Ивановичи Глядковы присоединили къ этому въ томъ же 1665 году 13-го марта половину двора съ огородомъ и садомъ, принадлежавшаго

(*) Запись эта находится въ актахъ монастыря въ числѣ не многихъ уцѣлѣвшихъ бумагъ того времени. Считаемо не лишнимъ привести ее до слова. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Азъ многогрѣшный рабъ Его, Михаилъ Петровичъ сынъ Глядковъ, ревнуя поревновать во Господѣ Божѣ Восдержителѣ, по обѣщанію своему отдалъ вкладу Чудотворному образу Божіи Матери Владимірска, Нижегородскаго уѣзду Оранской пустыни, сие есть въ Словенской горѣ, вкладу въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ Засурскомъ стану, въ сельцѣ Архангельскомъ, Чертовка токъ, покѣстной своей земли двадцать четвертой въ полѣ, а въ дву по тому же съ лѣсы и сѣнными покосы и усадьбы со всѣми угодами и на той земли тицаніемъ моихъ многогрѣшныхъ собранихъ изъ бѣглыхъ и поселены избѣглые крестьяне оной пустыни: Петръ Алексѣевъ, у него сынъ Алексѣй, да Матвей Алексѣевъ, да Федосей Алексѣевъ, да Саворинъ Тимофеевъ съ женами съ дѣтьми и по немъ наследникамъ своимъ и потомкамъ завѣщанію оную мою землю и съ поманутыми крестьяны отъ оной святой обители не отлучать; а кто похощетъ сіе дерзновеніе учинить, реченую вкладную или землю или крестьяны отъ оной обители отлучить, или пожелаетъ отъ того суетные себе пользы ради, да будетъ на томъ клѣти съ авестомъ и съ ономъ; наипаче всевокорнѣ прошу, дабы сію святую обитель и нѣмъ воимъ испраме награждать, а не отымать; по неже бо азъ многогрѣшный о реченной обители неизвѣстно испытахъ, истинно бо мѣсто то, гдѣ сія обитель, свято есть и неизреченная Божія Матери отъ чудотворнаго Ея образа точится чудеса съ вѣрою просящимъ вся благая и полезная даруетъ. Такоже прошу и молю, аще наведеніемъ сувостата нашего впрѣдъ отъ оной обители вкладные крестьяне пожелаютъ на тою землѣ или въ другія мѣста быти и жити, дабы ихъ ловити и за такое скотское и несмысленное дерзновеніе жестоко наказывать азуткомъ, и посылатъ на старое и бо оной обители жилище, дабы то святое мѣсто нече прославлено было, а не пусто. А сіи бѣглые крестьяне или которые шлѣи есть въ бѣгахъ, по нуждѣ только изъ низовыхъ краевъ на оной моей землѣ, жити позволяется, аминь. Къ сему вкладному писму Канцисаръ Михаилъ Петровъ сынъ Глядковъ руку приложилъ, что вышесказанную свою землю двадцать четвертей въ полѣ а въ дву по тому же съ усадьбами и со всѣми угодами во оной Оранской обители вѣчно вкладъ приложилъ, въ томъ и подписуюсь своеручно.

имъ въ Нижнемъ Новгородѣ на Никольской улицѣ, такъ что съ этого времени Оранскіе монахи имѣли свое собственное подворье, гдѣ могли останавливаться, бывая въ Нижнемъ (³). Но 1665 годъ, такъ богатый дарами для обители, былъ вмѣстѣ и послѣднимъ годомъ жизни для ея настоятеля. Предчувствуя, вѣроятно, скорую свою кончину, Гладковъ не задолго предъ тѣмъ принялъ образъ большой схимы, не оставляя однакожъ заботъ по управленію монастыремъ. О печальныхъ обстоятельствахъ страдальческой смерти Гладкова сохранилось только устное преданіе, подтверждаемое впрочемъ монастырскимъ синодикомъ, гдѣ онъ записанъ подъ именемъ «убіеннаго схимонаха Павла». Преданіе это говоритъ слѣдующее. Молва о многочисленныхъ богомольцахъ, стекавшихся на поклоненіе чудотворной иконѣ и приносимыхъ ими пожертвованій побудила нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей ограбить обитель. Была ли это окрестная Мордва, все еще злившаяся на обитель, или какая нибудь изъ разбойничьихъ шаекъ, бродившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, неизвѣстно. Ночью ворвавшись злодѣи въ монастырь и рассыпались по церкви и кельямъ для грабежа. Восемидесятилѣтній настоятель, услыша необычайный шумъ и понявъ въ чемъ дѣло, бросился было на колокольню, чтобъ укрыться отъ враговъ, а быть можетъ и ударить въ набатъ—повѣстить монастырскихъ крестьянъ. Ему не удалось ни то ни другое: бѣгство было замѣчено и вслѣдъ же за нимъ явились и злодѣи. На колокольнѣ схватили они старца и безжалостно потащили за ноги внизъ по

(³) Домъ этотъ со всѣмъ надворнымъ строеніемъ сгорѣлъ въ 1762 г. и такъ какъ средства обители тогда были крайне ограничены, то и не былъ возобновленъ. Пустыремъ значилось это мѣсто и въ переписи 1765 года.

ступенямъ. Отъ ударовъ голова его была прошибена и кровь обагрила всю лѣстницу. Помощи ждать было не откуда. Монастырская братія, безсильная и числомъ и старостью, ничего не могла сдѣлать, какъ только заботиться о собственномъ спасеніи. А крестьяне жили тогда еще далеко, верстахъ въ двухъ отъ обители и ничего не знали объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ пустынь. Гладковъ былъ замученъ. Насытивъ свое звѣрство и корыстолюбіе, злодѣи удалились безнаказанно, а несчастная жертва ихъ насилія была съ честью погребена собранными пустынно-жителями. Мѣсто, гдѣ положено было тѣло, этого перваго и единственнаго мученика пустыни, неизвѣстно. Въ 1831 году, при строителѣ Исаи, когда рыли землю для основанія новаго храма, открытъ былъ гробъ съ тѣломъ инока въ полномъ монашескомъ облаченіи. Гробъ былъ старинный, изъ выдолбленнаго цѣльнаго дерева, и на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ некогда первоначальный храмъ обители. Судя по этимъ даннымъ, многіе догадывались, что это и есть останки основателя пустыни, но вѣрнаго ничего не открыли. Гробъ былъ перенесенъ на другое мѣсто и снова зарытъ въ землю.

Печальная катастрофа, разразившаяся надъ обителью, не прекратила однако ея существованія. Монахи, разбѣжавшіеся при набѣгѣ разбойниковъ, снова возвратились и отдавъ послѣдній долгъ настоятелю, снова начали свою пустынно-жизнь. Мѣсто Гладкова заступилъ теперь опять іеромонахъ Θεодоритъ, еще прежде управлявшій пустынью. Для обезпеченія же отъ новыхъ нападеній со стороны «темныхъ людей», монастырскіе крестьяне переселены были къ самымъ стѣнамъ обители, на то мѣсто, гдѣ и нынѣ стоитъ деревня Поляна или Оранки. При небольшомъ числѣ братіи довольно

обезпеченная въ матеріальномъ содержаніи дарами Глядковыхъ, обитель съ этого времени надолго успокоилась и отъ внѣшнихъ опасностей. Близость крестьянскаго селенія, откуда во всякое время могла быть подана помощь противъ вражяго набѣга, держали и Мордву и разбойниковъ въ почтительномъ отдаленіи отъ св. пустыни и дѣлали невозможнымъ или по крайней мѣрѣ очень опаснымъ и рискованнымъ всякое открытое нападеніе. Между тѣмъ молва о новой обители и ея чудотворной иконѣ распространялась все далѣе и далѣе и толпы богомольцевъ непрестанно посѣщали мѣсто, прославленное явнымъ покровительствомъ Богоматери и чудесами отъ Ея святой иконы. А вмѣстѣ съ увеличеніемъ богомольцевъ увеличивались и приношенія, дѣлаемые ими въ пользу и даръ св. обители. Не говоря о простомъ народѣ, издревле извѣстномъ своимъ благоговѣніемъ къ святынь и родѣ Глядковыхъ, постоянно благодѣтельствовавшемъ обители, многіе изъ людей именитыхъ записаны въ синодикъ пустыни, какъ оказавшіе ей помощь своими дарами и вкладами. Изъ рода Глядковыхъ, какъ о вкладчицѣ Оранской пустыни, сохранилось еще извѣстіе о дочери Алексѣя Петровича Глядкова, Прасковѣ Алексѣевнѣ, бывшей въ замужествѣ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Приклонскимъ. Въ 1696 году, 4-го мая она пожертвовала игумену оранскому Никифору съ братіей треть своего двора, находившагося въ нижегородскомъ кремлѣ, противъ подворьевъ Печерскаго и Макарьевскаго монастырей. За два года передъ этимъ тотъ же игуменъ Никифоръ получилъ отъ нижегородскаго митрополита Павла указъ «о построеніи часовни въ Нижнемъ Новгородѣ на нижнемъ посадѣ противъ церкви Іоанна Предтечи къ писчей избѣ». Эта часовня, какъ извѣстно изъ монастырскихъ актовъ доста-

вляла въ послѣдствіи монастырю до пяти рублей въ году отъ продажи свѣчъ и служенія молебновъ. Около того же времени царевна имеретинская Дарья Арчиловна дала въ Терюшевскую волость записъ объ ежегодной выдачѣ Оранской пустыни шести рублей денегъ на поминовеніе своихъ родныхъ. Кромѣ того единовременными или постоянными вкладчиками обители были князья Одоевскіе, Черкасскіе, Щербатые, Бабичевы, Болховиковы, Горчаковы, бояре Лыковы, Матышкины, Доможировы, Грековы, Лопухины, Салтыковы, Бутурлины, именитые люди Строгановы и многіе другіе. До сихъ поръ еще сохранился вкладъ одного изъ князей Одоевскихъ, Никиты Ивановича, данный имъ «лѣта 7165 (1657) іюня 26 дня Словенской пустыни... по своимъ родителямъ» (*). Это

(* Полная надпись на свѣтели слѣдующая: «Лѣта 7165 іюня 26 дня данъ сію книгу боярской сынъ Никита Ивановичъ Одоевскій Словенской пустыни, что на рѣкѣ Окѣ подъ Павловымъ, Пречестныя Богородицы Владимірскія сѣленія иконы по своимъ родителямъ». Слова «на рѣкѣ Окѣ подъ Павловымъ» представляютъ, по видимому, предположеніе, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ оранской пустыни, а о какомъ нибудь другомъ монастырѣ, а именно Амурскомъ Дудинѣ, тѣмъ болѣе, что самый вкладъ находится въ селѣ Подьяблонномъ, гдѣ и былъ этотъ монастырь. Но такое предположеніе противорѣчитъ названію пустыни, въ которую данъ былъ вкладъ, Словенскою и притомъ Богородицею — по Владимірской иконѣ Богоматери, тогда имѣя известіе, что Дудинъ монастырь и вообще никакой другой изъ Нижегородскихъ, кромѣ Оранскаго, не назывался Словенскою пустынею и что только въ Оранскомъ монастырѣ была чудотворная икона Владимірской Божіей Матери, по которой онъ и называется Богородицкимъ. Ошибка въ надписи могла быть впрочемъ чисто случайною, вытекающею изъ незнанія хорошаго положенія Оранской пустыни и разстоянія ея отъ Оки и Павлова. А въ Подьяблонное свѣтели названо вѣроятно во время стѣсненнаго положенія матеріальныхъ средствъ обители въ 1730—70 годахъ, когда братія нѣредко вынуждены были для пропитанія вкладывать и даже продавать нѣкоторые церковныя вещи, имѣя это увидѣть также. Очень легко можетъ быть, что въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ годовъ братія и продала или заложила это свѣтели Дудину монастырю, принадлежавшему тогда къ числу богатѣйшихъ монастырей сѣвера, такъ оно и осталось а отсюда уже перешло въ Подьяблонную церковь, которая обращена въ приходскую изъ монастырской Дудина монастыря по его уничтоженію.

напрестольное, полудестевое Евангеліе, печатанное въ 1654 году. Въ настоящее время оно находится въ Успенской церкви села Подьяблоннаго, горбатовскаго уѣзда, хотя и неизвѣстно, когда и какъ туда попало. Прославленію обители и стеченію въ нее богомольцевъ особенно содѣйствовало множество чудесъ, совершавшихся надъ больными, съ вѣрою притекавшими къ чудотворному образу Богоматери. Уже въ первый годъ отъ основанія обители, съ 21-го сентября 1635 по 1-е сентября 1636 года, чудодѣйственною силою св. иконы совершено было 131 исцѣленіе отъ самыхъ разнообразныхъ и часто застарѣлыхъ и неизлечимыхъ недуговъ. Взрослые и дѣти, мужчины и женщины, крестьяне и лица другихъ сословій — всѣ въ равной степени и съ одинаковою пользою для себя получали благодатную помощь Богоматери и ея Превѣчнаго младенца. Съ равной легкостію и скоростью прозрѣваль слѣпой, двадцать или тридцать лѣтъ невидѣвшій свѣта солнечнаго и выздоравливалъ больной горячкою, державшею его въ постели двѣ-три недѣли. Съ особенною силою проявилась чудотворная благодать св. иконы въ исцѣленіи страдавшихъ лишеніемъ зрѣнія. До восьмидесяти случаевъ чудеснаго врачеванія отъ этого недуга, приводится въ «сказаніи о чудесахъ отъ иконы Оранскія Божія Матери», и это въ одинъ, первый годъ существованія обители. Остальные исцѣленія поданы были хромымъ и вообще страдавшимъ болѣзненностію рукъ и ногъ, глухимъ, нѣмымъ, бѣсноватымъ и другимъ, одержимымъ болѣе обыкновенными болѣзнями^(*). Около семидесяти

(*) Особенно замѣчательные случаи чудесныхъ исцѣленій: деревни Выболова крестьянка Василика Тихонова была слѣпою 20 лѣтъ; села Погоета крестьянская жена Анна тоже страдала главною болѣзнію 20 лѣтъ; деревни Гривы старуха Ксенія Савельева 30 лѣтъ ничего не видѣла; села Давыдова священника

различныхъ мѣстъ нижегородскаго края, вѣчина съ самаго Нижняго, считали въ этомъ году между своими жителями благодатствованныхъ чудными врачествомъ отъ св. иконы Оранской, которые и были для этихъ и сосѣднихъ мѣстъ живымъ свидѣтельствомъ Божественнаго прославленія новооткрытой обители и несомнѣннаго присутствія въ ней благодатной и чудотворной силы Божіей. И это свидѣтельство исцѣленныхъ не было гласомъ вопіющаго въ пустыни. Уже самое множество чудныхъ исцѣленій, поданныхъ лицамъ изъ многихъ мѣстъ, покизываетъ, что слухъ объ обители и слава ея чудесъ быстро распространилась по окрестнымъ селеніямъ и возбуждала къ путешествію въ обитель и поклоненію ея чудотворной иконы. Но Божественной Покровительнице обители угодно было прославить свою икону и въ другихъ краяхъ изшего обширнаго отечества, и въ самой столицѣ Москвѣ предъ лицомъ благочестивѣйшаго ея Государя и патріарха. Въ самый годъ основанія обители, чрезъ шесть или семь мѣсяцевъ по освященіи храма^(*) прибылъ изъ Москвы въ Нижній патріаршій боярскій сынъ Василій Потаповъ. Въ то время Нижегородская область не была еще самостоятельною епархіею, а состояла подъ непосредственнымъ вѣденіемъ самого патріарха московскаго, которому и обязана была платить извѣстную сумму денегъ

жена Евдокія и сестра Евимія тоже страдали слѣпотою, первая 20, а вторая 30 лѣтъ; села Болдырева крестьянка Анна Михайлова болѣе 20 лѣтъ ничего не видѣла; изъ за Шуй, крестьянка Квита Телгчевскаго Домини 50 лѣтъ не владела рукою и ногою; села Арапова крестьянка Матвѣя Ермошова страдала внутреннею болѣзнію 17 лѣтъ и 6 лѣтъ была нѣма; деревни Малетина крестьянка Еватерина хропала обѣими ногами и въ церковь была занесена на рукахъ.

(*) Освященіе храма, какъ мы уже замѣтили, было 21 сентября 1635 года, а Потаповъ пріѣхалъ изъ великаго посту того-же года. До Петра 1-го годъ начинался все съ 1-го января, а съ 1-го сентября.

въ видѣ ежегодной дани. За этой-то данью или десятиною и приѣхалъ Потаповъ, который потому и назывался еще въ актахъ патриаршимъ десятильникомъ. Занимаясь сборомъ ея, онъ отъ многихъ слышалъ о новоявленной чудотворной иконѣ и устроенной въ честь ея обители. Многочисленность свидѣтельствъ о чудной благодати исцѣлений, подаваемой иконою, свидѣтельствъ, изъ которыхъ многія, быть можетъ, слышаны были имъ отъ самыхъ исцѣленныхъ, не оставляли ему никакого сомнѣнія въ дѣйствительности повѣствуемаго. И будучи самъ набожнымъ и истиннымъ христіаниномъ, Потаповъ не задумался повѣрить слышанному. Съ истинно христіанскою радостію сообщилъ онъ о такихъ дивныхъ дѣлахъ Божіихъ патриарху Іоасафу и описалъ ему все, что только зналъ и слышалъ объ Оранской обители и чудесахъ, совершившихся въ ней. Не менѣе благочестивый, Іоасафъ, получивъ извѣщеніе Потапова, самъ «возгора духомъ Божіимъ и Божію дѣлу сему быти вмѣнивъ», немедленно послалъ грамоту къ архимандриту Нижегородскаго Печерскаго монастыря Рафаилу и протоіерею нижегородскаго архангельскаго собора Іосифу. Этою грамотою повелѣвалось имъ составить и сообщить патриарху самое обстоятельное и полное извѣстіе о чудесахъ, явленныхъ чудотворною иконою Оранской обители въ теченіи всего времени ея существованія, съ точнымъ обозначеніемъ какъ лица, получившаго чудесное исцѣленіе, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно совершилось. Они должны были узнать кто получилъ исцѣленіе, какого онъ званія, возраста, пола, какою болѣзнію страдалъ и сколько времени, когда получилъ облегченіе и въ какомъ мѣстѣ, въ самой ли пустыни, дома, или на пути. Кромѣ разказа самыхъ исцѣленныхъ, они должны были отобрать свѣдѣнія отъ

ихъ родителей, родственниковъ, сосѣдей и вообще всѣхъ лицъ, кто только что либо зналъ или слышалъ о чудесномъ событіи. Все это вело къ тому, чтобы такимъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ сколько возможно болѣе оградить истину совершившихся чудесъ отъ всякаго сомнѣнія и недоумѣнія, — «да отъ неразумныхъ не возникнетъ истина ложь быти». Распросы продолжались около четырехъ мѣсяцевъ, весною того же 1635 года. Въ обитель были приглашены не только получившіе исцѣленіе, но и всѣ окрестные жители — христіане. Тутъ были и архимандриты, игумены, протоіереи, священники, діаконы, монахи, и лица всѣхъ другихъ сословій и возраста. Всѣхъ, съ крестнымъ цѣлованіемъ, спрашивали — «не дивно-ли сотворишася сія чудеса отъ образа Божіей Матери», и всѣ они единодушно и вполне подтвердили истину совершившихся чудесъ. Показанія были записаны и съ водписью всѣхъ грамотныхъ лицъ, за печатью слѣдователей, отправлены въ Москву, къ святѣйшему патриарху. Вместе съ этимъ послана была и повѣсть о самыхъ чудесахъ, написанная со словъ исцѣленныхъ и другихъ, знавшихъ объ обстоятельствахъ чудесныхъ исцѣлений. Что же тогда о семъ святѣйшій патриархъ Іоасафъ устроил: первые томъ книги и свидѣтельство печерскаго архимандрита Рафаила и протопопа Іосифа самъ прочитаетъ и потомъ о томъ числѣ чудесъ новотворящихся отъ образа Божіа Матере благочестивѣйшему государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи возвѣщаетъ. Царь же, вельми о семъ благодаривъ Бога и рождшую Того Матерь Пресвятую Богородицу. И тако вкучь соизволяетъ сей пустыни въ родъ родовъ непремѣнно устроиватися въ благопослѣщеніе и устроеніе всего міра и святыхъ Божіихъ церквей. Народы же той страны сей царскій со-

вѣтъ, купно жъ и святѣйшаго услышавши, и прославивше Божія Матере въ послѣднемъ родѣ нашемъ новоявленная ея сія чудеса, и непрестанно вѣролюбивъ множество народа вѣрою влекомы притекають и приѣмлютъ неизреченно великую милость ея». Такъ заканчиваетъ свой рассказъ объ этомъ событіи «повѣсть о новоявленныхъ чудесахъ... содѣянныхъ въ пустыни близъ ораного поля, на Словенской горѣ».

СОСТАВЛЯЕТЪ ЛИ ВИНО СУЩЕСТВЕННУЮ ПОТРЕБНОСТЬ ДЛЯ НАРОДА?

Низшій классъ народа въ Россіи употребляетъ почти исключительно одинъ родъ спиртныхъ напитковъ: *хлебный алкоголь* (*) въ разныхъ степеняхъ крѣпости и подъ различными именоваціями: горячаго вина, водки, сивухи, горѣлки. Вотъ что говоритъ знаменитый Либихъ о свойствахъ этого напитка. «Чистый алкоголь есть ядъ; потому и водка, съ точки зрѣнія химіи, есть разведенный ядъ, то есть, содержитъ въ себѣ вредныя для здоровья частицы. Постоянное ея употребленіе всегда вредно». Медикамъ и физиологамъ хорошо извѣстно дѣйствіе алкоголя на животную экономію человѣка. Одинъ изъ современныхъ намъ мыслителей — медиковъ, говоритъ, что алкоголь принятый желудкомъ въ видѣ водки, быстро переходитъ въ кровь и прежде всего устремляется на мозгъ, а от-

(*) *Алкоголь* — это безцвѣтная, весьма летучая и горючая жидкость, получаемая при перегонкѣ перебродившихся сладкихъ жидкостей, напримѣръ, сусла, сахарнаго сиропа и т. п. Смѣшанный съ водою, алкоголь составляетъ обыкновенный винный спиртъ.

туда и на всю нервную систему, въ которой производитъ сильнѣйшее раздраженіе; слизистая оболочка желудка и кишекъ приходитъ въ воспалительное состояніе, какъ отъ дѣйствія на нихъ снирта, такъ и отъ дѣйствія желчи, выделяемой печенью изъ крови съ прикѣсомъ алкоголя. Печень, отъ дѣйствія яда, терит нормальныя свойства, припухаетъ, чѣмъ объясняется ирраціонное расстройство духа и безпокойный характеръ пьяницъ. Человѣкъ разрушается видимо: онъ не живетъ, какъ существо разумное, а влачитъ свое жалкое существованіе и преждевременно гибнетъ. Постоянное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ меньшемъ количествѣ производитъ тоже дѣйствіе въ миниатюрѣ; но во всякомъ случаѣ непрекинно сокращаетъ нашу и безъ того краткую жизнь».

Возможно ли, послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ, утверждать, что вино составляетъ существенную потребность для народа? Не смотря на то, у насъ есть еще такіе поклонники водки, которые усиливается доказывать необходимость для народа умѣреннаго или, какъ они говорятъ, равномернаго употребленія хлебнаго вина, поддвая, что оно нужно по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

- 1) дабы укрѣпить желудокъ человѣка;
- 2) дабы согрѣть тѣло отъ стужи;
- 3) дабы поддержать ослабѣвшія отъ трудовъ силы, и
- 4) для того чтобы усилить питательность грубой растительной пищи.

Но эти положенія нашихъ защитниковъ водки не имѣютъ основанія.

- 1) Для укрѣпленія слабаго желудка есть, крохѣ водки, много другихъ средствъ, болѣе доступныхъ простолюдину, какъ-то: употребленіе отвара, горькихъ травъ, мятной воды и проч. Всѣ такіа средства, по цѣли своей

весьма действительная, не представляют тѣхъ неудобствъ и вредныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою употребленіе водки, ибо случается нерѣдко, что послѣ нѣкотораго, даже умѣреннаго употребленія этого напитка, человѣкъ пристращается къ нему, употребляетъ его подъ разными предлогами, потомъ находитъ удовольствіе въ опьяненіи, и прямымъ путемъ идетъ къ самому гнусному и вредному пороку и разстройству своего здоровья.

2) Дабы согрѣть прозябшаго отъ стужи человѣка есть кромѣ водки, не мало другихъ средствъ. Г. геймстеръ, въ сочиненіи своемъ: «о теоріи налоговъ», справедливо говоритъ: «нельзя утвердительно сказать, что алкоголь, какъ средство согрѣванія, составляетъ жизненную потребность жителей холодныхъ странъ. Обильная пища всякаго рода, въ особенности жирная, богатая углеродомъ не менѣе успѣшно замѣняетъ алкоголь съ тою только разницею, что дѣйствіе оной гораздо продолжительнѣе, хотя медленнѣе». Извѣстный нашъ врачъ—писатель, покойный лейбъ-медикъ О. К. Каменецкій, полагалъ частое хотя и умѣренное, употребленіе водки весьма вреднымъ, и почиталъ особенно полезнымъ напиткомъ, дабы согрѣть озябшаго человѣка, хорошій сбитень, предпочитая его употребленію чая, и весьма сожалѣлъ, что онъ выводится изъ употребленія.

3) Для подкрѣпленія ослабѣвшихъ отъ трудовъ силъ человѣка употребленіе водки не составляетъ также необходимаго средства. До введенія въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ вольной продажи вина, было много крестьянъ, вовсе не употреблявшихъ водки. Не смотря на то, они были самые сильные и самые благонадежные работники. Не взирая на распространеніе нынѣ пьянства, у насъ еще осталось не мало такихъ трезвыхъ людей,

служащихъ явнымъ опроверженіемъ вышеизложеннаго мнѣнія о необходимости будто бы водки, для подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ человѣка. Особенно разительный примѣръ крѣпкаго здоровья, физическихъ силъ и благосостоянія представляютъ намъ жители раскольниковскихъ слободъ, вовсе не употребляющіе крѣпкихъ напитковъ. Изъ представленныхъ англійскому департаменту свидѣній объ экипажахъ кораблей, находившихся на китоловныхъ судахъ въ моряхъ полярныхъ, оказалось, что въ экипажахъ, принадлежавшихъ къ «Обществу воздержанія», слѣдовательно, вовсе не употреблявшихъ крѣпкихъ напитковъ было гораздо менѣе больныхъ и умершихъ, нежели между матросами, не принадлежавшими къ тому обществу и получавшими ежедневную порцію водки или рома. Умные и опытные наблюдатели, участвовавши во многихъ походахъ съ войсками и пришли къ тому убѣжденію, что отпускаемая нижнимъ чинамъ, періодически, безъ существенной надобности, винная порція не только не служитъ къ сохраненію ихъ здоровья, но вредитъ ему.

4) Не менѣе ложно то мнѣніе, будто бы водка нужна человѣку для поддержанія его питанія. Мнѣніе это опровергается извѣстными медиками. Растительная пища можетъ доставить человѣку здоровое и обильное питаніе: хорошая изъ овощей похлебка, крутая каша съ воливною ея грибными шами или свѣжимъ конопляннымъ масломъ, капуста, бураки, картофель, чистый ржаной хлѣбъ и другія произведенія крестьянскаго поля и огорода могутъ доставить обильное питаніе, гораздо полезнѣе, нежели употребленіе водки, всегда дѣйствующей къ ослабленію тѣлеснаго организма.

Прозводя столь вредное дѣйствіе на здоровье человѣка, водка особенно сильно дѣйствуетъ на состояніе народной

нравственности. Умѣренное, но частое употребленіе на-
родомъ водки (обращается) обыкновенно въ гибельную
страсть пьянства, которое ослабляетъ силы рабочаго чело-
вѣка, внушаетъ ему отвращеніе къ труду, истощаетъ его
деньги, которыя безъ того пошли бы на поддержаніе хо-
зяйства, и развиваетъ въ немъ самыя гибельныя страсти.
Изъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ видно, что больша-
я часть злодѣяній предшествуются, сопровождаются и
заканчиваются попойками; иногда же пьянство бываетъ су-
щественною цѣлю преступленій. Ознакомясь съ бытомъ
низшаго класса народа, можно удостовѣриться въ томъ,
что водка бываетъ, по большей части, причиною ссоръ и
дракъ, похищенія чужой собственности и другихъ проступ-
ковъ. Знаменитыми юристами признано, что употребленіе
крѣпкихъ напитковъ бываетъ существенною причиною $\frac{8}{10}$
или $\frac{9}{10}$ совершаемыхъ преступленій. (Дом. Бес.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

— Новая книга «Практическое изложеніе церковно-
гражданскихъ постановленій въ руководство священнику
на случаи совершенія важнѣйшихъ требъ церковныхъ».
Одобрительные отзывы объ этомъ сочиненіи напечатан-
ные въ нѣкоторыхъ журналахъ (Православное Обозрѣніе,
Духъ Христіанина, книжный Вѣстникъ) за 1864 г. и
не быстрый расходъ всего изданія, привели автора къ убѣж-
денію, что книга его удовлетворяетъ требованіямъ его
собратій священниковъ.

Въ этомъ убѣжденіи онъ рѣшился, сдѣлавъ въ ней
нѣкоторыя исправленія, напечатать ее вторымъ изданіемъ.

Второе, исправленное изданіе вышло изъ печати.

Цѣна книги остается прежняя 1 р. сер. съ перес.

Требованія на книгу слѣдуетъ адресовать прямо къ
автору, Священнику Императорскаго училища Правовѣдѣ-
нія *Алексѣю Парвову* въ С.-Петербургѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. Очерки изъ исторіи славянской мѣлологіи (продолженіе.—
Изъ исторіи Оранской пустыни.—Составляетъ ли вино существенную потреб-
ность для народа.—Объявленіе.

Дозволено Цензурою 15-го іюня 1866 года.

Редакторы: Инсп. сем. прот. *А. Стекловъ* и
Проф. *Г. Полисадоевъ*.

нижній-новгородъ; въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.